

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	526
Маркович В. М. О роли Лермонтова в русской культуре: несколько предварительных замечаний.....	527
<i>Виролайнен М. Н.</i> В. М. Маркович: поэтика мысли.....	535
<i>Григорьева Е. Н.</i> Спецсеминар В. М. Марковича «Классика и авангард»: методологические основания.....	544
<i>Васильева И. Э.</i> Герменевтическое литературоведение как язык культурной эпохи: к дискуссии о кризисе филологии.....	552
<i>Потапова Г. Е.</i> О двух контрастных подходах к интерпретации «Повестей Белкина»: В. М. Маркович и В. Шмид.....	570
<i>Филонов Е. А.</i> Повесть Н. В. Гоголя «Старосветские помещики»: художественный текст как факт литературного процесса.....	582
<i>Большухин Л. Ю., Александрова М. А.</i> «А вы могли бы?» Маяковского как «рубежный» текст.....	590

<i>Калинин И. А.</i> Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии	605
<i>Беляк Г. Н.</i> Текст в тексте и парадоксы теории множеств.....	618
<i>Бухаркин П. Е.</i> Поэзия С. С. Аверинцева как альтернатива классической традиции в русской литературе	625
<i>Баранов Д. К.</i> Саша Соколов и Н. В. Гоголь: проблематизация персонажа	638
<i>Большев А. О.</i> Парадокс Петкевича (об особенностях смысловой структуры мемуарной книги Т. В. Петкевич «Жизнь — сапожок непарный»).....	651

На наш журнал можно подписаться по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс 36319

Свидетельство о регистрации СМИ № ФС77-73026
от 6 июня 2018 г. (Роскомнадзор)

Учредитель: Санкт-Петербургский государственный университет

Редактор *О. В. Косенко*
Корректор *Т. В. Никифорова*
Компьютерная верстка *А. М. Вейшторг*

Подписано в печать 14.01.2019. Формат 70×100¹/₁₆.
Усл. печ. л. 11,0. Уч.-изд. л. 10,4. Тираж 77 экз. (1-й завод). Заказ № . Цена свободная.
Адрес Издательства СПбГУ: 199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, 11.
Тел./факс 328-44-22.

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов.

CONTENTS

Editorial	526
<i>Markovich V. M.</i> [†] On the role of Lermontov in Russian culture. Some preliminary remarks.....	527
<i>Virolainen M. N.</i> Vladimir M. Markovich: Poetics of thought	535
<i>Grigorieva E. N.</i> V. Markovich's special seminar "Classics and Avant-garde". Methodological grounds.....	544
<i>Vasileva I. E.</i> Hermeneutic literary studies as a language of a cultural epoch: Discussing the crisis in philology.....	552
<i>Potapova G. E.</i> Two different approaches to interpreting <i>The Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin:</i> Vladimir M. Markovich and Wolf Schmid.....	570
<i>Filonov E. A.</i> Nikolai Gogol's <i>The Old-World Landlords:</i> The literary text as a fact of the literary process	582
<i>Bol'shukhin L. Iu., Aleksandrova M. A.</i> Mayakovsky's poem <i>A vy mogli by?</i> as a "boundary" text.....	590
<i>Kalinin I. A.</i> How Lenin's language is made: Material of history and technique of ideology.....	605
<i>Belyak G. N.</i> Text-in-text and the paradoxes of set theory	618
<i>Bukharkin P. E.</i> The poetry of S. S. Averintsev as an alternative to classical tradition in Russian literature.....	625
<i>Baranov D. K.</i> Sasha Sokolov and N. Gogol: Character problematisation.....	638
<i>Bolshev A. O.</i> The paradox of Petkevich (on the peculiarities of the semantic structure of the memoir book by T. V. Petkevich <i>Life is an Unpaired Boot</i>).....	651

Бухаркин Петр Евгеньевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
p_bukharkin@hotmail.com

Поэзия С. С. Аверинцева как альтернатива классической традиции в русской литературе

Для цитирования: Бухаркин П. Е. Поэзия С. С. Аверинцева как альтернатива классической традиции в русской литературе. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2018, 15 (4): 625–637. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.410>

Предметом статьи является вопрос об альтернативах классической традиции в русской литературе конца XVII — XIX в. Под классической традицией понимается исторически связанная совокупность безусловно и безоговорочно образцовых авторов и таких же текстов, воспринимающихся эстетически совершенными в абсолютной степени. Последнее определяется достижением данными текстами конечных целей мимесиса, состоящих для классической традиции не в подражании действительности, но в прозрении в ней уровня идей, в стремлении воплотить эйдос в земном слове. В статье рассматривается поэзия С. С. Аверинцева. Анализ ее тематических, жанровых и стиховых доминант позволяет увидеть в ней своеобразное развитие литературных тенденций конца XVII — начала XVIII в., связанных с трансформацией автохтонных художественных начал, породивших целый ряд самобытных текстов, в том числе — поэтических. Данные произведения существовали как бы в двух измерениях: традиционной словесности и западноевропейского литературного пространства; их можно было прочитать при помощи сразу двух этих, столь различающихся, культурных кодов. Подобная историческая соотнесенность позволяет усмотреть в поэзии Аверинцева попытку представить классическую традицию русской литературы как непосредственное развитие средневековых словесных начал в их московском изводе. Подобная позиция находила опору в филологических концепциях ученого и подтверждалась высказываниями ряда литературоведов и стихотворной практикой близкой к Аверинцеву О. А. Седаковой. В статье ставится вопрос о соответствии таких представлений историко-литературным фактам: была ли поэзия Аверинцева актуализацией действительно существующих в русской словесности потенциалов или же она — филологический эксперимент, попытка навязать умозрительные представления живой ткани литературной истории? В связи с этим возникает и более общая проблема — а существуют ли в русской литературе основания для того, чтобы представить сугубо национальные явления в качестве носителей классической традиции?

Ключевые слова: русская литература, фольклор, духовные стихи, тонический стих, силлабическая поэзия, классическая традиция, филология, С. С. Аверинцев, О. А. Седакова.

В изучении русской литературы «долгого» XVIII в., включающего в себя и вторую половину предшествующего столетия, и начало XIX в., имеется один — не изъян, и не слабость, — но некоторая проблема: эта литература в большинстве случаев рассматривается сама по себе, в своих собственных пределах¹. Конечно, подобная «изоляция» литературной жизни XVIII в. знает исключения, но они в целом не меняют общей картины.

Такой подход имеет несомненные преимущества, его позитивные результаты очевидны при обращении к историографии русской литературы интересующего нас времени, в том числе — и самой недавней. Но вместе с тем он с неизбежностью приводит к сжатию того культурного пространства, в которое помещается русская словесность XVIII в. А это в ряде случаев препятствует осознанию некоторых важных проблем литературной истории — и того времени, и русской литературной истории вообще. К ним относится и судьба классической литературной традиции в русской культуре.

Классическая литературная традиция, так же как и базовая по отношению к ней категория классики, имеет в науке (как современной, так и прошлой) совсем разные смыслы, но наиболее распространенным и адекватным самому явлению представляется ее понимание как исторически связанной совокупности безусловно и безоговорочно образцовых авторов и таких же текстов, воспринимающихся эстетически совершенными в абсолютной степени. Последнее определяется достижением данными текстами конечных целей мимесиса, состоящих для классической традиции не в подражании действительности, но в прозрении в ней уровня идей, в стремлении воплотить эйдос в земном слове (см. об этом: [Панофски 2002]). Впрочем, такое осмысление мимесиса не препятствовало обращению к земной конкретике, которым отмечено едва ли не большинство наиболее репрезентативных памятников классической эпохи (о возможности такого совмещения см., в частности: [Ауэрбах 2004]). Классическая традиция имеет отчетливо маркированный исток, свое начало, осознаваемое всеми ее представителями, причем осознаваемое не просто как начало, но и как — что принципиально важно — эстетический идеал и художественный ориентир. Таким началом и ориентиром для европейской классической традиции была античность: «...отношение к античности есть душа такой (т.е. классической. — П. Б.) литературы» [Пумпянский 2000: 30]. Тем самым классическая традиция воспринимается той или иной национальной культурой как пересаженная с другой культурной почвы, как заимствованная, а затем постепенно осваиваемая [Аверинцев 2005].

В русской литературной культуре возникновение такой классической традиции, осознаваемой именно как классическая, относится скорее всего ко второй половине XVII — началу XVIII в., времени, отмеченному самыми кардинальными культурными переменами. Крайне важной из этих перемен было расщепление великорусской культурной жизни того времени на две составляющие; расщепление

¹ Здесь есть определенная параллель к древнерусской книжности, с той только разницей, что применительно к Средневековью подобный подход кажется более оправданным: оно в несоизмеримо большей степени отделено от Нового времени, к которому XVIII столетие принадлежит (в случае русской культуры — вне всякого сомнения с 1730-х годов).

это в полной мере затронуло и словесность, стремительно становящуюся как раз в это время российской.

С одной стороны, существует автохтонная литература, переживающая несомненный расцвет: она не просто активизируется, но и модифицируется, порождая принципиально новые явления. Среди них — повествовательная проза нового типа; в первую голову здесь следует назвать фикциональные нарративы — «Повесть о Савве Грудцыне» или «Повесть о Тверском Отроче монастыре», и, тем более, Житие протопопа Аввакума. Аввакум, бескомпромиссный, более того, крайне агрессивный традиционалист в религиозных вопросах, как писатель был открыт всему новому, как бы опережая дальнейшее развитие русской прозы: «Выражая дух своей эпохи, Житие в то же время в формально-литературном отношении основывалось не столько на конкретной традиции современной ему повествовательной литературы, сколько на таких формах устной художественной речи, которые будут осваиваться русской литературой много позже, в период становления и развития реалистической прозы (Пушкин, Гоголь, Лесков, Толстой)» [Демкова 1974: 167]. Также следует указать на столь оригинальное для древнерусской книжности явление, как так называемая демократическая сатира, и, что особенно важно для дальнейшего, — на письменную поэзию («Повесть о Горе-Злочастии» или же поэтическое творчество Петра Квашнина-Самарина).

С другой же стороны, с середины XVII в. начинается быстрый процесс формирования элитарной словесности, в целом представляющей собою сложный результат европейского заимствования через польское посредство, да еще и в украинно-белорусском его преломлении. Эта культура в литературных своих регистрах дает такие феномены, как силлабическая поэзия, театр, торжественная ораторская проза, и таких авторов, как Симеон Полоцкий, Димитрий Ростовский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович, менее заметный, но едва ли менее интересный Ян Белобоцкий (он же Андрей Христофорович), из великороссов — Карион Истомин и Сильвестр Медведев, а позднее, уже в существенно трансформированном виде, — Петр Буслаев, А. Д. Кантемир или В. К. Тредиаковский.

Бесспорно, между двумя ветвями русской литературы второй половины XVII — начала XVIII в. не существовало непроходимой пропасти, целый ряд явлений сочетает в себе оба данных начала, например такой литературный шедевр, как песня П. А. Квашнина-Самарина «Свет моя, милоя-дорогая...», являющаяся, замечу, не фольклорной записью², но продуктом индивидуального письменного творчества³. И все же это во многом существенно различные явления, в том числе — по своему генезису⁴. Повторюсь: одно — автохтонное, другое, при всех возможных оговорках, — заимствованное.

² Так полагал ее первый публикатор М. Н. Сперанский [Сперанский 1932].

³ См. глубокий анализ этого текста Н. С. Демковой [Демкова 1985].

⁴ Пожалуй, с наибольшей отчетливостью о разделении русской литературной культуры интересующего нас времени на две составляющие писал Н. С. Трубецкой в работе 1927 г. «К украинской проблеме» [Трубецкой 1995].

Классическая литературная традиция в ее проявлении в русском слове, казалось бы, несомненно восходит ко второй составляющей культурных движений второй половины XVII — начала XVIII в. — к полученным от Западной Европы культурным импульсам, т.е. к элитарной словесности. Так понимал суть дела Л. В. Пумпянский — едва ли не единственный исследователь, попытавшийся увидеть историю русской литературы под углом классической традиции [Пумпянский 2000]. Актуализация этой классической традиции во второй половине XX столетия, связанная прежде всего с творческими поисками И. А. Бродского (однако не его одного), также обращает нас к данному регистру литературной жизни: об этом свидетельствуют, в частности, интерес Бродского к Кантемиру или его достаточно последовательные опыты воспроизведения интонаций силлабического стиха (см. об этом: [Бухаркин 2017]).

Но был ли это единственно возможный вариант классической традиции в русской литературной истории? Не была ли открыта для русской литературной культуры иная ее разновидность — разновидность, восходящая к московской, т.е. сугубо своей, литературной почве? Ответ на такие вопросы, важность которых, думаю, не требует отдельного комментария, как представляется, может быть получен только в исторической ретроспективе, т.е. при рассмотрении их в предельно раздвинутом временном пространстве: некоторые, возможно негромкие, но, как кажется, культурно чрезвычайно весомые поэтические явления все той же второй половины XX в. (на которую, как только что говорилось, падает оживление классической традиции) предоставляют материал для того, чтобы дать на поставленный выше вопрос далеко не однозначно отрицательный ответ. Главной фигурой здесь окажется С. С. Аверинцев, Аверинцев как поэт.

Поэтическое творчество занимало в колоссальном по многоликости словесном делании Аверинцева место весьма скромное; свои стихи, да и то совместно с выбранными переводами, он издал лишь однажды, в самом конце жизненного пути⁵. Впрочем, если учитывать аверинцевские переложения Священного Писания — как Нового Завета (все три синоптические Евангелия: от Матфея, от Марка и от Луки), так и Завета Ветхого (Книга Иова, Псалмы Давида)⁶, а также занятия раннехристианской сирийской литературой⁷, то и объем его поэтико-переводческой работы (в которой оригинальная поэзия и переводы-переложения трудноотделимы друг от друга), и ее место в его трудах в целом окажутся достаточно значимыми. К этому надо прибавить огромный калибр личности Аверинцева, почти сразу воспринятого как **явление русской истории**: «Он встал <...> в ряд необыкновенных явлений десятилетия (имеются в виду 1960-е годы. — П. Б.), и ряд этот многое предвещал в последовавшей нашей истории общей, не только литературной: Солженицын, Бахтин, Аверинцев. Они один за другим явились тогда из уже не подозревав-

⁵ Аверинцев С. С. *Стихотворения и переводы*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. — Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием в квадратных скобках его названия и страницы.

⁶ Аверинцев С. С. *Собрание сочинений*. В 4 т. Т. 1: Переводы: Евангелие от Матфея. Евангелие от Марка. Евангелие от Луки. Книга Иова. Псалмы Давидовы. Киев: Дух і літера, 2004.

⁷ *От берегов Босфора до берегов Евфрата: антология ближневосточной литературы I тысячелетия н. э.* Аверинцев С. С. (пер., предисл., коммент.). М.: МИРОС, 1994.

шихся нами скрытых русских глубин» [Бочаров 2012: 269]. Кроме того, Аверинцев имеет для нашей темы и, так сказать, партикулярную весомость; вряд ли для кого из русских филологов (не считая Л. В. Пумпянского) классическая традиция была столь дорога, как для Аверинцева; вспомним хотя бы название одной из наиболее серьезных филологических его книг: «Риторика и истоки европейской литературной традиции» [Аверинцев 1996]. И наконец — стихотворные опыты Аверинцева (при некоторой маргинальности для его творчества в целом) обладают несомненной оригинальностью; они отмечены «лица необщим выраженьем» (Е. А. Боратынский) — а это свидетельствует о таланте. Все это и делает его небольшое в сущности собственно поэтическое наследие предельно важным для нашего историко-культурного сюжета.

Корпус оригинальных стихотворных сочинений Аверинцева действительно невелик; к тому же его поэтические упражнения отмечены достаточно отчетливым экспериментаторским характером. Это относится и к их тематике, и к жанру, и к стиховой материи. Имея в виду тематический уровень поэтических сочинений Аверинцева, надо сказать, что в нем с очевидной несомненностью доминируют духовно-христианские темы, на что указывают заголовки — как циклов, в которые сгруппировано большинство оригинальных текстов сборника («Молитва о словах», «Сын человеческий», «Ангелы народов»), так и отдельных стихотворений («Стих о святой Варваре», «Благовещение», «Молитва о последнем часе»). Даже в тех случаях, когда речь не идет о религиозных переживаниях в узком и точном смысле, в поэтических произведениях Аверинцева неизменно демонстрируется — воспользуюсь выразительными словами Н. Н. Казанского — «распахнутость души перед Богом, прославление Бога в его путях и осмысление этих путей» [Казанский 2013: 292], что, в конечном счете, и составляет основной предмет христианской религиозной лирики.

Тематике стихотворений совершенно соответствует и жанровый состав сборника. Тут, впрочем, необходим уточняющий комментарий: в точном смысле жанры большинства стихотворений трудноопределимы, перед нами — продукт поэтического творчества эпохи распада неконвенциональной жанровой системы, когда принадлежность текста к тому или другому жанру весьма неопределенна и устанавливается в первую очередь с опорой на индивидуальные авторские интенции. Кроме того, сам Аверинцев соотносил собственные стихотворения с различными (и крайне неопределенными) жанрами — молитвой, песнью, нозем. Однако он предлагает и общее жанровое их определение — «духовные стихи»; именно так озаглавлен первый раздел сборника, включающий в себя, так сказать, серьезную часть поэтического его наследия (последний раздел сборника, куда вошли стихотворения на разные темы, демонстративно назван «Мои безделки»). О своем понимании этого жанра Аверинцев пишет в небольшом введении («От автора и переводчика») к сборнику:

«...тот, кто хочет писать в этом жанре, должен приложить усилия, чтобы его поэзия неотрывно и прямо смотрела перед собой на свет, исходящий от святых» [Стихотворения и переводы: 5].

Для воплощения подобных тематических и жанровых устремлений в материю стиха Аверинцев использует прежде всего не самые привычные русскому уху

стиховые ритмы, главные из которых сам называет в том же введении: «белый» пятистопный ямб и тонические стихи — как рифмованные, так и нерифмованные [Стихотворения и переводы: 6]. Примером первого предпочитаемого Аверинцевым способа метрической организации могут послужить многие стихотворения из цикла «Размышления», например «Благовещение»:

Стоит недвижно Дева, покрывалом
поникнувшее утаив лицо,
сокрыв от мира — взор и мир — от взора
[Стихотворения и переводы: 77].

Примеры тонического стиха, пожалуй, более репрезентативны и, главное, вариативны — от достаточно привычных «чисто» тонических текстов, всем своим строем ориентированных на традицию духовных стихов (втройне ощутимую — не только из-за стиховой фактуры, но и благодаря названию, отсылающему как раз к духовным стихам и тематике):

Есть камень, глубины корень,
живой корень вселенной,
и на нем уставил Зиждитель
весь мир дольний, поднебесный
от начала до скончания века
(«Стих о Петре апостоле»
[Стихотворения и переводы: 31]) —

до сложных в ритмическом отношении произведений вроде включенных в цикл «Подражания Клоделю», где, по словам самого автора, соединяется «наличие рифмы и размера с отсутствием нормированного количества слогов» [Стихотворения и переводы: 6] — от 14/13 слогов:

Еще ничего не началось. Уже все прошло.
Из края в край мягкой мглой свет заволокло —

до 20/16:

Тихо и глухо за часом час, отуманено око
и ум незряч, —
Пока чуткая полночь не различит младенческий плач
(«La veille de Noël»
[Стихотворения и переводы: 87]).

Именно стиховые предпочтения, при всех отличиях обнаруживающие и некую общность, представляются едва ли не наиболее интересной частью духовно-поэтического эксперимента великого филолога⁸; именно они и выводят его лирику —

⁸ Ритмическая организация произведений Аверинцева (так же как ее сопоставление с ритмической фактурой его переводов) представляет несомненный интерес и требует специального отдельного исследования.

в центральной, «серьезной», ее части — из привычного для русской литературы такого рода круга. В частности (и прежде всего), как раз стиховая фактура духовных стихов Аверинцева — несравненно более, нежели, например, их жанр, позволяет определить ту традицию, на которую он ориентируется в первую голову.

3

При первом взгляде кажется, что это традиция преимущественно фольклорная, в своей стихотворной части наиболее отчетливо проявившая себя в «духовных стихах». Однако при погружении в аверинцевский поэтический мир становится заметно, что, при всей справедливости данного вывода, он нуждается в некоторой корректировке, причем — весьма существенной: Аверинцев ориентировался, как кажется, не на собственно фольклорную традицию в чистом виде, но скорее на ее преломление в книжной культуре, которое обнаружило себя уже во второй половине XVII в. Подобное преломление дало такие явления, как уже упоминавшиеся «Повесть о Горе-Злочастии», где народная основа, в частности тонический народный стих, сочеталась с книжными началами⁹, или любовные песни Петра Квашнина-Самарина, «созданные <...> в пору мощного расцвета силлабики, и отчасти противостоящие ей: они были написаны на основе поэтического строя лирической песни и народного тонического стиха» [Демкова 1985: 60].

О близости Аверинцева-поэта в первую очередь к этому кругу явлений свидетельствует, среди прочего, одно обстоятельство, причем — чрезвычайной важности: Аверинцев никогда не замыкал свои поэтические упражнения только национальным культурным опытом, напротив — он был склонен предельно широко размыкать границы того словесного пространства, в которое помещал собственную поэзию. Так, свои тонические опыты Аверинцев возводил не столько к русской почве, сколько к библейской поэзии, а с другой стороны — к «испанским парадигмам, пришедшим из фольклора и не раз аукнувшимся у поэтов XX в.» [Стихотворения и переводы: 7]; сверх этого, он находил нечто им подобное в поэзии Поля Клоделя (перевод одного стихотворения которого помещен во втором разделе сборника — «Избранные переводы»). Эта установка на общеевропейский, а не на чисто национальный контекст оказалась замеченной некоторыми его внимательными читателями, например игуменом Петром (Мещериновым), который, выступая в телепередаче «От жития до глянцевого журнала: как сохранять биографическую память?» («Тем временем» с А. Архангельским на телеканале «Культура», 28 ноября 2017 г.), посвященной посмертной судьбе С. С. Аверинцева, заметил по поводу его стихов: «Когда я переводил Баха, я заметил даже некоторые параллелизмы между некоторыми стихами Сергея Сергеевича и вот старопротестантскими текстами. Я спрашивал у Ольги Александровны Седаковой, она говорит, что, конечно, Сергей Сергеевич это знал и любил эту поэзию» [От жития 2017]. Не чисто автохтонные начала Аверинцев развивал, но общеевропейское — для него равняющееся с христианским — культурное наследие. При этом наследие это для него нисколько не противостояло автохтонным началам, но включало в себя их — в качестве одной из частей.

⁹ См., например, о сочетании книжного и фольклорного начал в «Повести о Горе-Злочастии» уже в давней работе Н. К. Гудзия [Гудзий 1938: 384].

В поисках некоего эквивалента подобной поэзии в истории русского слова мы с неизбежностью и приходим как раз к тем явлениям конца XVII — начала XVIII в., о которых шла речь только что: к стихам П. А. Квашнина-Самарина, «Повести о Горе-Злочастии», а если выйти за пределы поэзии, то и к «Повести о Савве Грудцыне» или же «Повести о Тверском Отроче монастыре», т. е. к тем феноменам автохтонной культуры, которые, сохраняя верность традициям московского художественного слова, тем не менее принципиально их трансформировали. Оставаясь во многих отношениях в пределах привычных литературных предпочтений и интенций, они, вместе с тем, отчетливо отразили и самые новаторские тенденции элитарного вестернизированного барочного словесного искусства¹⁰. Характеризуя одно из этих произведений («Повесть о Горе-Злочастии»), И. П. Еремин в свое время заметил, что оно представляет собою «любопытный пример тех возможностей, какие таила в себе русская поэзия XVII в.» [Еремин 1948: 362]. Стоит добавить: во-первых, таила не одна поэзия, но и нарративная проза, и, во-вторых, если вернуться к поэтическому творчеству, которое нас сейчас интересует прежде всего, — русская поэзия XVII в. в своем выросшем на сугубо московской почве письменном варианте, который оказывался вполне способным оригинально выразить новые, только-только заимствованные с Запада художественные смыслы.

Возможности, которые имел в виду Еремин, во многом были созвучны украинско-белорусским культурным веяниям (передававшим Москве полученный ими в польской огласовке западноевропейский художественный язык); они также способствовали большей интеграции великорусской словесной культуры в общеевропейскую словесность. Также, — но и с существенными различиями, касавшимися органичности новых художественных стратегий русскому культурному сознанию. Украинско-белорусское влияние могло восприниматься — и воспринималось — как отчасти чужеродное, противостоящее своему; в случае же с новаторскими произведениями великорусского типа этого не происходило, да происходить и не могло — они, бесспорно, были **своим**, при всей открытости новому, которое делало их в чем-то похожими на феномены западной литературы. Они существовали как бы в двух измерениях: традиционной словесности и западноевропейского литературного пространства; их можно было прочесть при помощи сразу двух этих, столь различающихся, культурных кодов. Подобного рода явления А. С. Демин определил как «фантомы барокко» и «двойники барокко» [Демин 1989]; при известной расплывчатости данных понятий они достаточно точно отражают суть дела: перед нами не барочный текст в, так сказать, «чистом» виде (существующем исключительно в плоскости умозрения, но тем не менее являющемся филологической реальностью), но выросшее на местной почве произведение, какими-то сторонами эквивалентное барокко. Эта эквивалентность продиктована тем, что новые тенденции словесного воплощения бытия, уже отчетливо проявившие себя в литературах Запада, не только вносились в русскую культуру на рубеже XVII–XVIII вв. извне, но и вырабатывались в то время в ее собственных недрах.

Нетрудно заметить явную близость между только что бегло очерченным кругом литературных фактов и поэзией Аверинцева. Как раз к этой составляющей русской литературной жизни Раннего Нового времени, как представляется, он

¹⁰ На примере одного текста П. А. Квашнина-Самарина это прекрасно продемонстрировала Н. С. Демкова [Демкова 1985].

и апеллировал в стихотворном творчестве, — репрезентируя его (а значит — и его исторические истоки) в качестве одной из возможных манифестаций классической традиции.

4

О классическом статусе поэзии Аверинцева (не в смысле ее совершенства, а в значении принадлежности к классической традиции в узком ее понимании) свидетельствуют прежде всего рефлексии самого поэта. Прямо он никогда об этом не писал — что более чем естественно, — но приведенные выше его самохарактеристики позволяют судить о том культурном контексте, в какой он склонен был помещать собственное художественное наследие; это контекст классической европейской литературы, зарождение и некоторые аспекты которого он — уже как ученый — описал в строго филологических работах, составивших позднее уже упомянутую книгу «Риторика и истоки европейской литературной традиции». Такое сближение — пусть и неявное — собственного поэтического творчества с европейской литературой классической поры¹¹ делало это творчество своеобразным ответвлением общеевропейской литературы, причем таким ответвлением, которое другой своею частью плотно укоренено в русской культурной почве.

Подобный поступок, а описанная позиция была именно поступком Аверинцева — и в эстетической, и в историософской плоскостях, — был, скорее всего, полностью сознательным: не «темное чувство собственного долга» (А. С. Пушкин), но рационально обдуманная причина, очевидно, двигали им. Во всяком случае, определенные переключки реконструируемых нами художественных интенций Аверинцева и его научных филологических построений позволяют предположить именно это; имею в виду в первую очередь его статьи «Славянское слово и традиции эллинизма» (1976) или же «Римский этап античной литературы» (1989). Так, для ученого особую важность в зарождении классической традиции имели моменты соревновательности с идеальными образцами («...„чужое“, принятое во внутрь „своего“, стремление снять дистанцию между „своим“ и „чужим“, приводящее к небывалому по тонкости нюансов прочувствованию этой дистанции» [Аверинцев 2005: 69]); отношения же «славянского слова» (т. е. церковнославянского языка, породившего русскую словесность) к античности, к слову «эллинскому», по его мнению, почти полностью соответствовали данной характеристике [Аверинцев 1976]. Уже по одному этому древнерусская литература оказывалась причастной классической традиции, и на основе средневековой восточнославянской письменности в ее московском изводе (более традиционалистском по сравнению с изводом западно-русским, т. е. украинско-белорусским) может и ныне развиваться поэзия, наследующая — в условиях постклассической литературной культуры — классические начала. За такой позицией стояло представление о русской словесности и культуре в целом как об органичной, хотя и весьма своеобразной, части культуры общеевропейской. Эту свою принадлежность к европейскому Древняя Русь получила в момент своего Крещения, через церковнославянский язык.

¹¹ Под европейской литературой классической поры я подразумеваю тот круг явлений, который был много десятилетий назад описан Э.-Р. Курциусом и назван им именно «европейской литературой» [Curtius 1953].

Воззрения подобного рода были свойственны не одному Аверинцеву; похожие идеи формулировали примерно в то же время, может быть десятилетием раньше, и Д. С. Лихачев, и А. В. Чичерин [Чичерин 1977: 55, 57, 58], и, конечно, О. А. Седакова. Впрочем, в ее случае следует говорить о непосредственном развитии аверинцевских идей — развитии, не ограничившемся научным дискурсом (см., например: [Седакова 2005]), но, возможно, с большей яркостью проявившемся в поэтическом ее творчестве (см., в частности: [Кукулин 2017]), что делает ее словесную деятельность особенно весомой для наших рассуждений — она как бы подтверждает серьезность поэтических намерений Аверинцева. Но, констатируя переклички аверинцевских поэтических интенций с представлениями других авторов, мы не только не избегаем закономерно встающего вопроса, быть может, самого главного для наших рассуждений, но скорее приближаем его: а соотносились ли взгляды Аверинцева и его однодумцев с литературной реальностью, была ли его поэзия (так же как близкие к ней сочинения Седаковой) актуализацией действительно существующих в русской словесности потенциалов, или же они — филологический эксперимент, искусственная (хотя и весьма искусная) попытка навязать умозрительные представления живой ткани литературной истории?

Для ответа на данный вопрос следует прежде всего обратиться к поискам промежуточных звеньев между поэзией Аверинцева и текстами рубежа XVII–XVIII столетий. В качестве самых предварительных соображений здесь можно указать на литературную имитацию народного стиха, весьма распространенную в конце XVIII и первой трети XIX в. (А. Н. Радищев, А. Х. Востоков и многие другие), на пушкинские «Песни западных славян» и, совсем с другой стороны, — на позднее творчество В. А. Жуковского. Если же иметь в виду век XX, то показательным будет имя Н. А. Клюева. Это явления совсем разного порядка, но тем не менее все они обнаруживают определенное сходство (в каждом случае — отчасти в ином аспекте) с интересующим нас кругом явлений. Для своего времени они нередко несколько маргинальны, однако все же свидетельствуют о тех потенциалах, которые полностью, очевидно, никогда не исчезали.

И все-таки сомнения остаются... Впрочем, а возможно ли однозначное преодоление этой грандиозной для русского культурного сознания проблемы? Или же она по своей природе предполагает принципиально разные решения, продиктованные нашим мировоззрением и историческими устремлениями?

P. S.

В целом литературный материал, составляющий основу этой статьи, был достаточно далек от интересов Владимира Марковича Марковича. Но, хочется надеяться, она имеет все основания для того, чтобы быть посвященной его памяти — памяти, весьма значимой для меня. И дело, естественно, не в том, что статья посвящена творчеству сверстника В. М. Марковича. Несоизмеримо важнее другое — например, то, что Владимира Марковича неизменно занимало понятие «классика» в его соотношении с разными формами неклассической литературы; с глубокой заинтересованностью обращался он и к неофициальной поэзии, в том числе — к ее «филологическим» вариантам. Литературоведение же, рассмотренное как одна из форм литературного творчества, тем более находилось в поле его самого при-

стального исследовательского внимания; достаточно указать на многие части его книги «Мифы и биографии: Из истории критики и литературоведения в России» [Маркович 2007]. И, наконец, главное — всем своим творчеством, да и интеллектуальным обликом, Владимир Маркович Маркович свидетельствовал о значимости общеевропейского культурного опыта для русской науки и литературы. А ведь как раз об этом и говорится в данной статье, вне зависимости от конкретных решений поставленного в ней вопроса.

Литература

- Аверинцев 1976 — Аверинцев С. С. Славянское слово и традиции эллинизма. *Вопросы литературы*. 1976, 11: 152–162.
- Аверинцев 1996 — Аверинцев С. С. *Риторика и истоки европейской литературной традиции*. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Аверинцев 2005 — Аверинцев С. С. Римский этап античной литературы. В кн.: Аверинцев С. С. *Собрание сочинений*. В 4 т. Т. 3: Связь времен. Киев: Дух і літера, 2005. С. 57–80.
- Ауэрбах 2004 — Ауэрбах Э. *Данте — поэт земного мира*. Вдовина Г. В. (пер. с нем.); Лагутина И. Н. (послел.). М.: Росспэн, 2004.
- Бочаров 2012 — Бочаров С. Г. Аверинцев в нашей истории. В кн.: Бочаров С. Г. *Генетическая память литературы*. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2012. С. 269–275.
- Бухаркин 2017 — Бухаркин П. Е. Классическая традиция в русской литературе сквозь призму рецептивной эстетики. *Русская литература*. 2017, 1: 7–15.
- Гудзий 1938 — Гудзий Н. К. *История древней русской литературы*. М.: Учпедгиз БССР, 1938.
- Демин 1989 — Демин А. С. Фантомы барокко в русской литературе первой половины XVII в. В кн.: Робинсон А. Н. (ред.). *Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII — начала XVIII в.* М.: Наука, 1989. С. 27–41.
- Демкова 1974 — Демкова Н. С. *Житие пророка Аввакума: (творческая история произведения)*. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1974.
- Демкова 1985 — Демкова Н. С. «Свет моя, милоя-дорогая...» П. А. Квашнина-Самарина. В кн.: Холщевников В. Е. (ред.). *Анализ одного стихотворения*. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1985. С. 58–67.
- Еремин 1948 — Еремин И. П. Карлон Истомино. В кн.: *История русской литературы*. В 10 т. Т. 2. Ч. 2. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. С. 355–362.
- Казанский 2013 — Казанский Н. Н. Исповедь как литературный жанр. В кн.: Августин, блаженный. *Исповедь*. Серия: Литературные памятники. СПб.: Наука, 2013. С. 275–295.
- Кукулин 2017 — Кукулин И. Стилизация фольклора как воспоминание о Европе: «Старые песни» и «Песни западных славян». В кн.: Сандлер С. (ред.). *Ольга Седакова: стихи, смыслы, прочтения*. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 295–320.
- Маркович 2007 — Маркович В. М. *Мифы и биографии: Из истории критики и литературоведения в России*. СПб.: Филол. ф-т Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2007. 320 с.
- От жития 2017 — От жития до глянцевого журнала: как сохранять биографическую память?: [видеозапись]. В: *Россия — Культура: видео: передачи: «Тем временем» с Александром Архангельским*. 28.11.2017. 38 мин. 51 сек. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20905/episode_id/1566128/ (дата обращения: 17.02.2018).
- Панофски 2002 — Панофски Э. *Idea: К истории понятия в творениях искусства от античности до классицизма*. Попов Ю. Н. (пер. с нем.). СПб.: Андрей Наследников, 2002.
- Пумпянский 2000 — Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма. В кн.: Пумпянский Л. В. *Классическая традиция: собрание трудов по истории русской литературы*. М.: Языки русской литературы, 2000. С. 30–157.
- Седакова 2005 — Седакова О. А. *Церковнославяно-русские паронимы: материалы к словарю*. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2005.

- Сперанский 1932 — Сперанский М. Н. Из материалов для истории устной песни. *Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. Серия 7.* 1932, 10: 913–934.
- Трубецкой 1995 — Трубецкой Н. С. К украинской проблеме. В кн.: Трубецкой Н. С. *История. Культура. Язык.* М.: Прогресс, 1995. С. 362–367.
- Чичерин 1977 — Чичерин А. В. *Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика.* М.: Художественная литература, 1977. 445 с.
- Curtius 1953 — Curtius E. R. *European Literature and the Latin Middle Ages.* Trask W. R. (transl. from German). New York: Harper & Row, 1953.

Статья поступила в редакцию 23 мая 2018 г.
Статья рекомендована в печать 23 августа 2018 г.

Petr Evgenëvich Bukharkin

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
p_bukharkin@hotmail.com

The poetry of S. S. Averintsev as an alternative to classical tradition in Russian literature

For citation: Bukharkin P. E. [The poetry of S. S. Averintsev as an alternative to classical tradition in Russian literature]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature.* 2018, 15 (4): 625–637. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.410> (In Russian)

The subject of the article is the question of alternatives to classical tradition in the Russian literature of the late 17th — 19th centuries. Classical tradition is understood as the historically connected plurality of obviously and absolutely model authors and model texts which are perceived as aesthetically perfect in absolute degree. Such perfection is determined by the fact that these model texts reach the final goals of mimesis, which for the classical tradition consist in viewing the world of ideas and intending to incarnate eidos in the real language, rather than an imitation of reality. The article studies the poetry of S. S. Averintsev. The analysis of its thematic, genre and verse dominating features allows to see the peculiar development of literary trends of late 17th — early 18th centuries in Averintsev's poetry connected with the transformation of autochthonous artistic sources which generated a whole range of original texts, including poetic ones. These works existed as if in two dimensions: that of traditional literature and that of Western European literature. Such historic correlation made Averintsev's poetry an attempt to present the classical tradition in Russian literature as a direct development of medieval verbal principles in their Moscow variant. A similar position was supported by philological conceptions of the scholar and was also confirmed by statements of a number of literary critics, as well as by poetry of O. A. Sedakova, congenial to Averintsev. The article raises the question of correlation of such perceptions with historical and literary facts: was Averintsev's poetry the actualization of the potentials that really existed in Russian literature?

Keywords: Russian literature, folklore, spiritual verses, accentual verse, syllabic poetry, classical tradition, philology, S. S. Averintsev, O. A. Sedakova.

References

- Аверинцев 1976 — Averincev S. S. [Slavic Word and Traditions of Hellenism]. *Literary Topics.* 1976, 11: 152–162. (In Russian)
- Аверинцев 1996 — Averincev S. S. *Ritorika i istoki evropejskoj literaturnoj tradicii.* Moscow: Yazyki russkoj kultury Publ., 1996. (In Russian)
- Аверинцев 2005 — Averincev S. S. Rimskij etap antichnoj literatury. В кн.: Averincev S. S. *Sobranie sochinenii.* In 4 vols. Vol. 3: Svyaz vremen. Kiev: Dux i litera Publ., 2005. P. 57–80. (In Russian)

- Бочаров 2012 — Bocharov S. G. Averincev v nashej istorii. В кн.: Bocharov S. G. *Geneticheskaya pamyat literatury*. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 2012. P. 269–275. (In Russian)
- Бухаркин 2017 — Bukharkin P. E. [The Classical Tradition in Russian Literature through the Prism of Receptive Aesthetics]. *Russkaya literatura*. 2017, 1: 7–15. (In Russian)
- Гудзий 1938 — Gudzy N. K. *Istoriya drevnej russkoj literatury*. Moscow: Uchpedgiz BSSR Publ., 1938. (In Russian)
- Демин 1989 — Demin A. S. Fantomy barokko v russkoj literature pervoj poloviny XVII v. In: Robinson A. N. (ed.). *Razvitie barokko i zarozhdenie klassicizma v Rossii XVII — nachala XVIII v.* Moscow: Nauka Publ., 1989. P. 27–41. (In Russian)
- Демкова 1974 — Demkova N. S. *Zhitie protopopa Avvakuma: (tvorcheskaya istoriya proizvedeniya)*. Leningrad: Leningrad State University Press, 1974. (In Russian)
- Демкова 1985 — Demkova N. S. «Svet moya, miloya-dorogaya...»: P. A. Kvashnina–Samarina. In: Xolshchevnikov V. E. (ed.). *Analiz odnogo stixotvoreniya*. Leningrad: Leningrad State University Press, 1985. P. 58–67. (In Russian)
- Еремин 1948 — Eremin I. P. Karion Istomin. In: *Istoriya russkoj literatury*. In 10 vols. Vol. 2. Part 2. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1948. P. 355–362. (In Russian)
- Казанский 2013 — Kazansky N. N. Ispoved kak literaturnyj zhanr. In: Saint Augustine. *Ispoved*. Series: Literaturnye pamyatniki. St. Petersburg: Nauka Publ., 2013. P. 275–295. (In Russian)
- Кукулин 2017 — Kukulin I. Stilizaciya folkloro kak vospominanie o Evrope: «Starye pesni» i «Pesni zapadnyx slavyan». In: Sandler S. (ed.). *Olga Sedakova: stixi, smysly, prochteniya*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. P. 295–320. (In Russian)
- Маркович 2007 — Markovich V. M. *Mify i biografii: Iz istorii kritiki i literaturovedeniya v Rossii*. St. Petersburg: St. Petersburg State University, Faculty of Philology Press, 2007. (In Russian)
- От жития 2017 — Ot zhitiya do glyancevux zhurnalov: kak soxranjat biograficheskuyu pamyat?: [video]. In: *Rossia — Kul'tura: video: peredachi: «Tem vremenev» s Aleksandrom Arkhangel'skim*. 28.11.2017. 38 min. 51 sec. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20905/episode_id/1566128/ (accessed date: 17.02.2018).
- Панофски 2002 — Panofsky E. *Idea: K istorii ponyatiya v tvorennyax iskusstva ot antichnosti do klassicizma*. St. Petersburg: Andrey Naslednikov Publ., 2002. (In Russian, transl. from German)
- Пумпянский 2000 — Pumpjansky L. V. K istorii russkogo klassicizma [1923–1924]. In: Pumpjansky L. V. *Klassicheskaya tradiciya: sobranie trudov po istorii russkoj literatury*. Moscow: Yazyki russkoj kultury Publ., 2000. P. 30–157. (In Russian)
- Седакова 2005 — Sedakova O. A. *Cerkovnoslavyano-russkie paronimy: materialy k slovarju*. Moscow: Greko-latinskij kabinet Yu. A. Shichalina Publ., 2005. (In Russian)
- Сперанский 1932 — Speransky M. N. [From the Materials for the History of the Oral Song]. *Izvestiya of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Social Sciences. Series 7*. 1932, 10: 913–934. (In Russian)
- Трубецкой 1995 — Trubeckoj N. S. K ukrainskoj probleme [1927]. In: Trubeckoj N. S. *Istoriya. Kultura. Yazyk*. Moscow: Progress Publ., 1995. P. 362–367. (In Russian)
- Чичерин 1977 — Chicherin A. V. *Oчерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика*. Moscow: Xudozhestvennaya literatura Publ., 1977. (In Russian)
- Curtius 1953 — Curtius E. R. *European Literature and the Latin Middle Ages*. Trask W. R. (transl. from German). New York: Harper & Row, 1953.

Received: May 23, 2018

Accepted: August 23, 2018